

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 81'27+811.161.1'42+81'373.613
ББК Ш141.12-51+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8; 5.9.9

Елена Вячеславовна Дзюба^{1✉}, Александр Григорьевич Кузякин^{2✉}

^{1,2} Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

¹ dzyuba_ev@spbstu.ru ✉, SPIN-код: 6106-5500, <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

² kuzyakin_ag@spbstu.ru ✉, SPIN-код: 5737-7744, <https://orcid.org/0009-0006-2161-7028>

Концептуализация **БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ** в современном русскоязычном политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье методом корпусного, лексикографического, лексико-семантического и дискурсивного анализа прослеживается процесс заимствования выражения «большая стратегия» из английского в русскоязычный политический и дипломатический дискурс. Отмечается существенное расширение сфер употребления единицы «стратегия» и изменение ее семантики до обобщающей, консолидирующей военную, политическую, экономическую, социокультурную, гуманитарную составляющие существования государства и общества. Выявляются различия между единицей советского дискурса «военно-политическая стратегия» и современной — «большая стратегия», формулируются причины и этапы заимствования англицизма в его переводной форме (*Grand Strategy*) — Большая стратегия — большая стратегия). Подчеркивается, что в политическом и дипломатическом дискурсе прилагательное «большой» приобретает дискурсивно обусловленное и не зафиксированное в словарях значение: «стратегически и геополитически значимый в глобальном контексте» (ср.: Большая игра, Большая стратегия, Большая тройка, Большая семерка, Большая двадцатка, Большое евразийское партнерство, Большая Евразия, Большая Центральная Азия и т. п.). Формулируется вывод: актуализация стратегий разных сфер связывается с появлением особой концептуально значимой для современного политического и дипломатического дискурса единицы — мета-концепта **БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ** (*Grand Strategy*), сущность которой заключается в отчетливо спланированной консолидации и мобилизации всех ресурсов для достижения политическим актором главной цели — позиционирования в мировом сообществе, формирования центров политической и экономической силы в реализации концепции многополярности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, политические тексты, русский язык, английский язык, англицизмы, лексические заимствования, этапы заимствований, заимствованная лексика, заимствование слов, заимствованные слова, семантические изменения, семантические процессы, «большая стратегия».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор Высшей школы международных отношений, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, email: dzyuba_ev@spbstu.ru.

Кузякин Александр Григорьевич, кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, email: kuzyakin_ag@spbstu.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-01062 «Стратегии продвижения национальных интересов России через трансформирующиеся институты многосторонней дипломатии: лингвополитологический аспект», <https://rscf.ru/project/25-28-01062/>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дзюба, Е. В. Концептуализация **БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ** в современном русскоязычном политическом дискурсе / Е. В. Дзюба, А. Г. Кузякин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 18-25.

Elena V. Dzyuba^{1✉}, Aleksandr G. Kuzyakin^{2✉}

^{1,2} Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

¹ dzyuba_ev@spbstu.ru ✉, SPIN code: 6106-5500, <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

² kuzyakin_ag@spbstu.ru ✉, SPIN code: 5737-7744, <https://orcid.org/0009-0006-2161-7028>

Conceptualization of **GRAND STRATEGY** in Contemporary Russian-Language Political Discourse

ABSTRACT. The article traces the process of borrowing the expression “grand strategy” from English into Russian political and diplomatic discourse by applying corpus-based, lexicographic, lexico-semantic, and discourse analysis methods. It reports a significant expansion of the spheres of usage of the unit “strategy” and a transformation of its semantics towards a generalized, integrative notion encompassing military, political, economic, socio-cultural, and humanitarian constituents of the existence of the state and society. The article highlights differences between the Soviet discourse unit “military-political strategy” and the contemporary unit “grand strategy” and formulates the purposes and stages of borrowing this Anglicism in its calqued form (*Grand Strategy* → *Bol'shaya strategiya* → *bol'shaya strategiya*). It is emphasized that in

political and diplomatic discourse, the adjective “*bol'shoy*” (*big*) acquires a discourse-conditioned meaning not recorded in dictionaries, namely ‘strategically and geopolitically significant in a global context’ (cf.: *Bol'shaya igra* (*Great Game*), *Bol'shaya strategiya* (*Grand Strategy*), *Bol'shaya troika* (*Big Three*), *Bol'shaya semerka* (*G7*), *Bol'shaya dvadtsatka* (*G20*), *Bol'shoye evraziyskoye partnerstvo* (*Greater Eurasian Partnership*), *Bol'shaya Evraziya* (*Greater Eurasia*), *Bol'shaya Tsentral'naya Aziya* (*Greater Central Asia*), etc.). The article concludes that the increasing salience of strategies across multiple domains is associated with the emergence of a conceptually significant unit in contemporary political and diplomatic discourse — the metaconcept *BOL'SHAYA STRATEGIYA / GRAND STRATEGY*. Its essence lies in the deliberate consolidation and mobilization of all resources to achieve a political actor's primary goal: the positioning within the international community and the formation of centers of political and economic power in the context of implementing the concept of multipolarity.

KEYWORDS: *political linguistics, political discourse, political texts, Russian language, English language, anglicisms, lexical borrowings, stages of borrowing, borrowed vocabulary, word borrowing, borrowed words, semantic change, semantic processes, “grand strategy”.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Dziuba Elena Vyacheslavovna, Doctor of Philology, Professor of Higher School of International Relations, Humanitarian Institute, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.*

Kuzyakin Aleksandr Grigor'evich, Candidate of Political Science, Associate Professor of Higher School of International Relations, Humanitarian Institute, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. The research was carried out with financial support of the Russian Science Foundation, project № 25-28-01062 “Strategies for Promoting National Interests of Russia through the Transforming Institutions of Multilateral Diplomacy: A Linguo-Political Aspect”, <https://rscf.ru/project/25-28-01062/>.

FOR CITATION: *Dziuba E. V., Kuzyakin A. G. (2026). Conceptualization of GRAND STRATEGY in Contemporary Russian-Language Political Discourse. In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 18-25. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В современной геополитической ситуации, в условиях трансформации современной системы международных отношений и усиления конкуренции между государствами за политическое, экономическое и символическое влияние, значение стратегического планирования на макроуровне все более возрастает. В научном, экспертном, политическом и дипломатическом дискурсе все активнее используется понятие *большой стратегии*, заимствованное из англоязычной традиции (*Grand Strategy*). Появление этого сочетания в русскоязычном пространстве свидетельствует не только о процессе заимствования еще одной языковой единицы (здесь: из английского языка), но также о более глубоком и значимом феномене — процессе концептуальной трансформации, связанном с изменением представлений о характере и инструментах достижения национальных интересов.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления механизмов и последствий такого — лингво-концептуального — заимствования, сопровождающегося семантическими и дискурсивными сдвигами. Несмотря на устойчивое употребление сочетания *большая стратегия* в современных русскоязычных научных и экспертно-аналитических текстах, его статус, содержание и взаимосвязь с ранее существовавшими в отечественной традиции терминами-понятиями (например: *военно-политическая стратегия*) остаются недостаточно описанными в когнитивном, социолингвистическом и аксиологическом аспектах.

Проблема исследования заключается в выявлении некоторых закономерностей заимствований, которые осуществляются не только на уровне языка (путем калькирования, как в данном случае, англоязычного выражения *grand strategy*), но и на уровне адаптации самого понятия (концептуального содержания выражения) к особенностям русскоязычного политического и дипломатического дискурса. При переходе единицы из одного языка в другой происходят семантические изменения объема слова *стратегия* и специфическая трансформация семантики русского прилагательного *большой*, которое в составе рассматриваемой единицы приобретает дискурсивно обусловленное значение, выходящее за пределы его словарной фиксации.

Цель исследования — выявить лексико-семантические и дискурсивные особенности процесса заимствования выражения *большая стратегия* из англоязычного в современный русскоязычный политический и дипломатический дискурс. Достижение поставленной цели обусловлено решением следующих задач: определить содержание концепта *grand strategy* в англоязычной научной традиции; охарактеризовать особенности функционирования единицы *военно-политическая стратегия* в советском и раннем постсоветском дискурсе; выявить основные этапы и механизмы заимствования ключевого слова-концепта; установить специфику семантических и дискурсивных трансформаций входящих в выражение слова (*стратегия*, *большой*) в современном русскоязычном политическом и дипломатическом дис-

курсе; обосновать статус единицы *большая стратегия* как метаконцепта современного дискурса.

Материалом исследования послужили тексты политического, дипломатического и научно-аналитического дискурса на русском и английском языках, данные национальных языковых корпусов и современных медиа, некоторые официальные документы. В работе используются методы корпусного анализа, лексикографического описания, лексико-семантического и дискурсивного анализа, что позволяет комплексно рассмотреть изучаемое явление.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении лексического заимствования, в данном случае — выражения *большая стратегия*, не как изолированного языкового явления, но как индикатора более глубоких — концептуальных — и широких — социополитических — изменений, связанных с формированием интегративного подхода к осмыслению стратегической деятельности государства. Впервые обосновывается трактовка *большой стратегии* как метаконцепта, объединяющего различные сферы общественной жизни и отражающего тенденцию к консолидации и мобилизации всех ресурсов в условиях формирования многополярного мирового порядка.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии лингвополитологического подхода к изучению языковых заимствований, семантических и дискурсивных трансформаций заимствованных единиц; практическая — в возможности использования полученных результатов при анализе современного политического языка, а также в образовательной и экспертной деятельности политологов и специалистов в области международных отношений.

Заимствованная лексика активно изучается современными отечественными (А. И. Дьяков, Л. П. Крысин, Д. С. Лотте, Е. В. Маринова, Э. Н. Меркулова, О. Г. Щитова и др.) и зарубежными исследователями (Дж. А. Вольгемут, Э. Зеннер и Г. Кристансен, Э. Хауген и др.). Специалистов интересуют как общие закономерности перехода языковых единиц из одного языка в другой, осуществляющегося под влиянием разных факторов (собственно лингвистических и экстралингвистических), так и частные вопросы: виды заимствований (фонетические, морфемные, лексические, семантические, синтаксические, а также комбинированные); способы заимствований (транскрибирование, транслитерация, словообразовательные и синтаксические кальки и полукальки, иноязычные вкрапления и др.) и т. д. В данном исследовании

речь идет о калькированном заимствовании сочетания *большая стратегия* из английского языка. Как отмечает Л. П. Крысин, «кальками в лингвистике принято называть слова и словосочетания, которые созданы путем копирования морфемной структуры или смысла иноязычного слова, словосочетания» [Крысин 2012: 53]. При этом исследователь отмечает, что морфемные кальки преобладали в XIX — начале XX вв. (так появились слова *сверхчеловек*, *себестоимость*, *скоросшиватель*, *работодатель*, *небоскрёб* и др. из немецкого и английского языков). «В русском языке наших дней, — пишет Л. П. Крысин, — преобладают кальки семантические (смысловые) и сочетаемостные, а главным их источником является английский язык (преимущественно в его американском варианте). При этом основными сферами появления калек являются сферы дипломатии, политики, спорта, моды и т. д., а распространяют их, внедряют в широкое употребление средства массовой информации» [Крысин 2012: 55–56]. Примером семантического и сочетаемостного заимствования из английского языка, которое обусловлено его функционированием в сфере международных отношений, является выражение *большая стратегия*.

КОНЦЕПТ *GRAND STRATEGY* В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Понятие *grand strategy* является одним из ключевых в англоязычной традиции изучения военной истории и теории, а также международных отношений. Оно выступает как интегративный концепт, описывающий целеполагание в делах государства, долгосрочное планирование, способы мобилизации разных ресурсов для достижения процветания и влияния на международной арене. Более узкое понимание стратегии связано исключительно с военно-политической сферой и изначально формировалось в рамках осмысления отдельных инструментов государственной деятельности.

Одним из первых теоретиков, подвергших системному осмыслению понятие *grand strategy*, является Г. Б. Лиделд Харт. В его трудах *grand strategy* трактуется как искусство политического актора в координации всех ресурсов нации: не только военных, но и невоенных (политических, дипломатических, экономических, моральных) — и их направлении на достижение приоритетных политических целей, ср.: «...the role of grand strategy — higher strategy — is to coordinate and direct all the resources of a nation, or band of nations, towards the attainment of the political object of the war — the goal defined by funda-

mental policy» [Liddell Hart 1967: 321–322]. Очевидно, что такое понимание большой стратегии принципиально расширяет традиционное понимание стратегии за счет экстраполяции взгляда на целеполагание за пределы только военного искусства.

Развитие этой теории осуществляется в трудах Э. Н. Люттвака, для которого *grand strategy* представляет собой синтез разных форм силы и влияния. В его интерпретации большой стратегии важным фактором достижения целей является не столько само наличие ресурсов, сколько способность государства к их эффективному сочетанию и адаптивному использованию в меняющихся внешнеполитических условиях. Э. Н. Люттвак в понимании стратегии акцентирует внимание на логике парадокса, в рамках которой успех может зависеть от не прямых и асимметричных действий [Luttwak 2001].

Особый взгляд на *grand strategy* имел Дж. Левис Гэддис, который в оценке эффективности большой стратегии исходил из взвешенного соотношения целей и средств, ср.: «Grand strategy is the calculated relationship between means and large ends» [Gaddis 2018: 21]. Иными словами, важна не столько мобилизация ресурсов, сколько их соразмерность поставленным целям. Такая трактовка вносит в структуру концепта аксиологические смыслы и придает ему нормативно-аналитическое измерение.

Историко-системный подход к осмыслению *grand strategy* предпринимает П. Кеннеди, который связывает успех (или неудачу) государств с их способностью поддерживать баланс между экономическими возможностями и стратегическими обязательствами. Его исследование демонстрирует, что нарушение этого баланса ведет к феномену «imperial overstretch» («перенапряжение империй»), чреватому последующим ослаблением и упадком [Kennedy 1987].

Важно отметить, что в современной англоязычной литературе концепт *grand strategy* приобретает еще более широкое значение, которое выходит далеко за пределы государственной политики и включает также вопросы идентичности, идеологии, дискурсивного конструирования внешнеполитических приоритетов. Он используется для описания как осознанных, формализованных (сформулированных и декларируемых) стратегий, так и неявных моделей поведения государств, проявляющихся в их долгосрочной политике. Х. Брэндс дает следующее определение *grand strategy*: «the intellectual architecture that gives form and structure to foreign policy», что акцентирует внимание на креативно-когнитивном и системно-структур-

ном аспектах стратегии, обеспечивающих целостность и эффективность внешнеполитического курса государства [Brands 2014]. В его интерпретации *grand strategy* выступает не только как набор практик, но и как система идей, задающих направление государственной деятельности. Б. Позен, казалось, возвращает концепту его первоначальное военно-стратегическое измерение, рассматривая *grand strategy* как основу национальной безопасности: «...a state's theory about how it can best "cause" security for itself» [Posen 1984: 13], но и он включает в это понятие не только военные, но и политические и экономические инструменты. К. С. Грэй рассматривает *grand strategy* как мобилизацию всех «активов» для обеспечения безопасности (ср.: «...the direction and use made of any or all of the assets of a security community» [Gray 2010: 18]). Подход К. С. Грэя особенно актуален для понимания *grand strategy* как устойчивой (инвариантной) аналитической категории, применимой к различным историческим и политическим контекстам.

Подводя итог сказанному, отметим, что в англоязычном научном дискурсе *grand strategy* предстает как комплексный мета-концепт, включающий следующие смысловые компоненты: 'интегративность' (объединение всех — военных и невоенных — ресурсов), 'долгосрочность', 'ориентация на большие цели', 'взвешенная соотнесенность целей и средств', 'структурно-системная организация', 'межотраслевой / «межсферный» характер', 'зависимость от внешнеполитического контекста'. Следует также отметить, что *grand strategy* в современном понимании может существовать как в явной (документированной), так и в неявной (имплицитной) форме, проявляясь в устойчивых моделях поведения государств. Это позволяет рассматривать ее не только как результат целенаправленного планирования, но и как продукт институциональной и культурной эволюции внешней политики. Вероятно, все эти характеристики предопределили возможность и специфику заимствования данного концепта в другие национальные языки и дискурсы, включая русскоязычный, где он подвергается дальнейшей семантической и функциональной трансформации.

КОНЦЕПТ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В СОВЕТСКОМ И РАННЕМ ПОСТСОВЕТСКОМ ДИСКУРСЕ

В рамках советской идеологии понимание стратегии преимущественно ограничивалось военно-ориентированным содержанием. В. Г. Кикнадзе отмечает: «Понятию

„большая стратегия“ в отечественной военной науке соответствует термин „стратегия военно-политическая“» [Кикнадзе 2012: 33]. Под стратегией понимается «высшая область военного искусства, охватывающая теорию и практику подготовки вооруженных сил к войне, планирование и ведение войны и стратегических операций, использование видов вооруженных сил и руководство ими» [СВЭ]. При этом стратегия «непосредственно вытекает из политики государства и подчиняется ей» [Там же]. Из определения явствует тесная взаимосвязь военных и политических задач при явном доминировании военной составляющей.

Русский военный теоретик А. А. Свечин одним из первых в отечественной традиции предлагает системный подход к трактовке стратегии как феномена особого уровня. Он отмечает зависимость стратегических решений от совокупности факторов: экономических, политических, нравственных. А. А. Свечин подчеркивает, что стратегия должна учитывать «всю совокупность условий борьбы», включая ресурсы государства и характер противника [Свечин 1927], однако в советский период, несмотря на широту этого подхода, предложенная им модель сохраняет отсылку к области военного искусства. Советские военные теоретики (А. А. Гречко [Гречко 1975], Н. В. Огарков [Огарков 1982] и др.) также традиционно рассматривают стратегию, понимая ее как высший уровень военного искусства, связанный с обеспечением военной мощи государства, подготовкой и ведением войны, планированием военных операций, использованием армии в глобальном противостоянии, а также научно-техническим развитием, особенно значимым в условиях военно-технологической конкуренции. С распадом СССР и изменением внешнеполитической среды происходит расширение границ понятия *стратегия*, что отражает необходимость адаптации к новым условиям международной конкуренции и интеграции в мирополитические процессы. В научный и экспертный дискурс, особенно под влиянием языка дипломатов, ученых, международных аналитиков и журналистов, проникают заимствованные слова, выражения и стоящие за ними концепты. Это происходит и с сочетанием *большая стратегия*.

Употребление существительного *стратегия* и дериватов *стратегический*, *стратегически* оказывается связанным с разными сферами: не только военной, но также экономической, внешнеполитической, социокультурной, гуманитарной, но, вероятно, в единый интегративный концепт это складывается под влиянием именно англоязыч-

ного феномена — *Grand Strategy*. Таким образом, для советского и раннего постсоветского дискурса было характерно следование устоявшейся традиции трактовать стратегию как военно-ориентированный феномен, но также постепенное расширение сфер употребления данной единицы. Наличие в англоязычной международной коммуникации готового интегративного лингвокогнитивного феномена *grand strategy* обеспечивает возможность его заимствования в другие национальные дискурсы.

ЗАИМСТВОВАНИЕ И КАЛЬКИРОВАНИЕ: GRAND STRATEGY → «БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ» → БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ

Заимствование выражения *grand strategy* в русскоязычный политический и дипломатический дискурс — это не только языковой факт. Оно сопровождается когнитивно-дискурсивной трансформацией, которая затрагивает и семантику отдельных единиц, и структуру концептуального пространства стратегического мышления вообще.

Процесс заимствования условно можно разделить на несколько этапов, которые сменяют друг друга не строго хронологически (они могут взаимно накладываться, поскольку здесь важнее различия в графическом оформлении, которые свидетельствует о последовательном переходе единицы из одной лингвистической традиции в другую). Так, на первом этапе *Grand strategy* функционирует сугубо как заимствование для фиксации аналитической категории научного и экспертного дискурса, преимущественно в тех текстах, которые ориентированы на отражение западных теорий. Наблюдается одновременное использование и оригинальной англоязычной формы (*grand strategy*), и переводного эквивалента (*большая стратегия*). Этот факт подтверждает Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ), ср.: *В этом и суть необходимости выстраивания Большой стратегии (Grand Strategy) по глобальному управлению мирополитическими процессами* [НКРЯ]. Показательно, что данная единица употребляется с заглавной буквы (как имя собственное, т. е. как наименование конкретной авторской концепции) или в кавычках (как цитируемый элемент, ср.: *Траммпоймет, что его «большая стратегия» не работает; В английском политическом словаре есть понятие «большая стратегия»: координация перспективных военных и политических планов. Впрочем, английская «большая стратегия» в полной мере использовала совпадение интересов и долгосрочных планов Англии и США* [НКРЯ]),

что свидетельствует об особом статусе словоупотребления.

На следующем этапе осуществляется закрепление перевода данной единицы (кальки) в русскоязычных научных текстах. При этом сохраняется опора на англоязычные источники, но наблюдается и постепенный переход к описанию стратегического поведения не только западных государств, но и России, см. примеры из НКРЯ: *Это было сделано в ... коллективной прогностической работе «Большая стратегия на 80-е годы», выполненной под руководством бывшего министра обороны США М. Лэйрда и вышедшей из печати в 1978 г.; Об этом 7 октября пишет в материале «Большая стратегия Путина: краткая история возрождения России» американское издание FRN; Теперь в России объективно возможны и демократическая технология формирования органов власти и управления, и публичная Большая стратегия Русского мира* [НКРЯ]. Однако в данных текстах все еще сохраняется орфографическое оформление выражения как имени собственного.

Этап лексического освоения характеризуется использованием сочетания *большая стратегия* уже как единицы естественного языка без формального выделения, употреблением выражения за пределами научного дискурса, ее широким использованием в политической коммуникации. Сочетание начинает функционировать как часть официального или даже полуофициального языка для описания долгосрочных планов государств, см. примеры из НКРЯ и СМИ: *Поэтому большая стратегия Китая может формироваться только с учетом большой стратегии России; Давос-2026: Возвращение Трампа, большая стратегия для Украины и новый мировой ландшафт; Большая стратегия, разработанная для XIX века, не подходит для XXI столетия. Трамп начал важную дискуссию о роли Америки в мире. Но ответ не в том, чтобы пятиться назад, в прошлое. Соединенным Штатам нужна обновленная версия исключительности для нового времени, а также соответствующая ей большая стратегия; — Экий ты, Титус, шустрый, понимаешь! Это большая стратегия и огромная геополитика! Ты думал, почему мы так вяло себя вели в Югославии, а потом вдруг свои войска с бухты-барахты туда ввели?* [НКРЯ, Интернет-источники]. При этом лексическое заимствование сопровождается когнитивной трансформацией концептуального поля в понимании стратегии: формируется тенденция к интеграции разных сфер в единую концептуальную рамку.

Нельзя в данном контексте не отметить особую роль прилагательного *большой*, которое в политическом и дипломатическом дискурсе приобретает особую семантику: акцент делается не только на географии, статусе, силе государства, но также на влиятельности политического актора на мировую политику, ср. выражения, построенные по дискурсивной модели «Большой + X»: *Большая игра, Большая тройка/семёрка/восьмерка/двадцатка, Большая Евразия, Большая Центральная Азия, Большое евразийское партнерство, Большая стратегия* и т. п. Прилагательное здесь начинает функционировать как маркер макроуровня и геополитической значимости.

В процессе заимствования происходит не только адаптация англоязычного концепта к русскоязычной среде, но и его частичная трансформация: в отечественном дискурсе *большая стратегия* приобретает более выраженную идеологическую нагрузку, связанную с дискуссиями о многополярности, суверенитете и формировании альтернативных центров силы. Это свидетельствует о том, что заимствованный концепт начинает функционировать в новых смысловых координатах, обусловленных спецификой принимающего дискурса.

Таким образом, заимствование выражения *grand strategy* следует рассматривать не как простой перевод или калькирование, а как многоуровневый когнитивно-дискурсивный процесс, включающий перенос, адаптацию и в некоторой степени переосмысление концепта. Результатом этого процесса становится формирование в русскоязычном политическом и дипломатическом дискурсе новой единицы — *большая стратегия*, обладающей статусом метаконцепта и отражающей переход к интегративному пониманию стратегической деятельности государства.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

В формировании содержания метаконцепта *большая стратегия* определенную роль играет упоминание о деятельности государств в широких форматах — в рамках международных организаций, межгосударственных и межрегиональных объединений [Дзюба, Кузякин 2025]. *Большая стратегия России* в этом смысле охватывает Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), БРИКС и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Эти институции выступают значимыми механизмами реализации стратегических

целей России: ЕАЭС обеспечивает экономическую интеграцию [Белащенко и др. 2020; Зиядуллаев 2017], ШОС — региональную безопасность [Дзюба, Ван Хуэй 2025], БРИКС — глобальное политическое и экономическое позиционирование [Гринин и др. 2024], СНГ — регионального многостороннее взаимодействие на постсоветском пространстве [Россия и евразийская интеграция... 2025]. Международные организации и межгосударственные объединения с участием России, таким образом, обеспечивают переход от частных (отраслевых) стратегий к их интеграции в общую систему. Такой укрупненный взгляд способствует пониманию большой стратегии как механизма реализации идеи многополярности, необходимости укрепления позиций России как одного из центров политической и экономической силы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование демонстрирует, что заимствование сочетания и концепта *grand strategy* в русскоязычный, в первую очередь внешнеполитический дискурс не сводится к простому языковому явлению. Это сложный лингвокогнитивный процесс, включающий перенос, адаптацию и переосмысление концепта с учетом национальной специфики. Анализ англоязычной традиции показывает, что *grand strategy* функционирует как метаконцепт, объединяющий военные, политические, экономические, социокультурные, гуманитарные ресурсы государства для достижения долгосрочных целей. Это предопределяет когнитивную необходимость заимствования, поскольку данная единица обеспечивает своей семантикой интеграцию разных сфер стратегической деятельности. Особую роль в семантической и дискурсивной трансформации играет прилагательное *большой*, которое приобретает дискурсивно обусловленное значение, становясь маркером стратегической значимости, глобального охвата и интегративного характера явления. Оно закрепляется в составе таких значимых для международного дискурса выражений, как *Большая стратегия*, *Большая игра*, *Большая Евразия*, *Большое евразийское партнерство*, и создает продуктивную модель «Большой + X». Формирование данного метаконцепта в русскоязычном дискурсе представляет собой лингвокогнитивный феномен, обусловленный как внешним заимствованием англоязычной единицы, так и внутренними когнитивными и дискурсивными преобразованиями. Оперирование элементом *большая стратегия* обеспечивает возможность про-

водить системный анализ стратегической деятельности государства.

ИСТОЧНИКИ

1. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 18.03.2026).

2. СВЭ — Советская военная энциклопедия. В 8 т. Т. 2. Вавилон — Гражданская / гл. ред. А. А. Гречко. — Москва: Воениздат, 1976. — 640 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белащенко, Д. А. Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве / Д. А. Белащенко, В. В. Толкачев, И. Ф. Шоджонов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2020. — Т. 20, № 3. — С. 543–559. — DOI 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559. — EDN NGEQNH.

2. Гречко, А. А. Вооруженные силы Советского государства / А. А. Гречко. — Москва: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1975. — 438 с.

3. Гринин, Л. Е. Контуры нового мирового порядка и БРИКС+ / Л. Е. Гринин, А. Л. Гринин, А. В. Коротаев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2024. — Т. 17, № 5. — С. 61–81. — DOI 10.31249/kgf/2024.05.04. — EDN DQFUJQ.

4. Дзюба, Е. В. Реализация стратегии консолидации в текстах институционального дискурса: моделирование концепта СОТРУДНИЧЕСТВО / Е. В. Дзюба, А. Г. Кузякин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14, № 6. — С. 31–52. — DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-6-31-52. — EDN WLSBUX.

5. Дзюба, Е. В. Взаимодействие России и Китая в ШОС: обеспечение безопасности в Центрально-Азиатском регионе / Е. В. Дзюба, Х. Ван // Россия в глобальном мире. — 2025. — Т. 28, № 3. — С. 79–98. — DOI 10.48612/RG/RGW.28.3.5. — EDN JEMZUB.

6. Зиядуллаев, С. Н. Евразийский экономический союз: испытание временем / С. Н. Зиядуллаев, Н. С. Зиядуллаев // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. — 2017. — № 3 (88). — С. 70–83. — EDN YLDDBW.

7. Кикнадзе, В. Г. Военное искусство и разведка в большой стратегии Византийской империи / В. Г. Кикнадзе // Военно-исторический журнал. — 2012. — № 9. — С. 30–34. — EDN PDKZNX.

8. Крысин, Л. П. Слова-чужестранцы в русском обличье / Л. П. Крысин // Русская речь. — 2012. — № 4. — С. 52–57. — EDN PCONWD.

9. Огарков, Н. В. Всегда в готовности к защите Отечества / Н. В. Огарков. — Москва: Воениздат, 1982. — 72 с.

10. Россия и евразийская интеграция в многополярном мире: моногр. / Л. Э. Слущкий, М. И. Кротов, В. И. Мунтиян. — Москва: Изд-во Московского университета, 2025. — 294 с. — ISBN 978-5-19-012250-3.

11. Свечин, А. А. Стратегия / А. А. Свечин. — Москва: Военный вестник, 1927. — 328 с.

12. Brands, H. What Good Is Grand Strategy? Power and Purpose in American Statecraft from Harry S. Truman to George W. Bush / H. Brands. — Ithaca: Cornell Univ. Pr., 2014. — 288 p. — ISBN 9780801452468.

13. Gaddis, J. L. On Grand Strategy / J. L. Gaddis. — New Haven: Yale Univ. Pr., 2018. — 384 p. — ISBN 978-1594203510.

14. Gray, C. S. The Strategy Bridge: Theory for Practice / C. S. Gray. — Oxford: Oxford Univ. Pr., 2010. — 328 p. — ISBN 978-0199579662.

15. Kennedy, P. The Rise and Fall of the Great Powers / P. Kennedy. — New York: Random House, 1987. — XXV, 677 p. — ISBN 0-394-54674-1.

16. Liddell Hart, B. H. Strategy / B. H. Liddell Hart. — London: Faber & Faber, 1967.

17. Luttwak, E. N. Strategy: The Logic of War and Peace / E. N. Luttwak. — Cambridge, MA: Belknap Press, 2001. — 308 p. — ISBN 9780674005082.

18. Posen, V. R. The Sources of Military Doctrine / V. R. Posen. — Ithaca: Cornell Univ. Pr., 1984. — 283 p. — ISBN 978-0801416330.

MATERIALS

1. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka = Russian National Corpus (n.d.). Available at March 18, 2026 from <https://ruscorpora.ru/>.

2. Grechko, A. A. (Ed.). (1976). Sovetskaya voennaya entsiklopediya. V 8 t. T. 2: Vavilon — Grazhdanskaya = Soviet Military Encyclopedia. In 8 vols. Vol. 2. Babylon — Civil War. Moscow: Voenizdat, 640 p.

REFERENCES

1. Belashchenko, D. A., Tolkachev, V. V., Shodzhonov, I. F. (2020). Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz: perspektivy i problemy integratsii na postsovetском prostranstve = Eurasian Economic Union: Prospects and problems of integration in the post-Soviet space. *RUDN Journal of International Relations*, 20(3), 543–559. DOI 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559.

2. Grechko, A. A. (1975). *Vooruzhennyye sily Sovetskogo gosudarstva* = Armed Forces of the Soviet State. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR.

3. Grinin, L. E., Grinin, A. L., Korotaev, A. V. (2024). Kontury novogo mirovogo poryadka i BRIKS+ = Contours of the new world order and BRICS+. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 17(5), 61–81. DOI 10.31249/kgf/2024.05.04.

4. Dzyuba, E. V., Kuzyakin, A. G. (2025). Realizatsiya strategii konsolidatsii v tekstakh institutsional'nogo diskursa: modelirovanie kontsepta SOTRUDNICHESTVO = Implementation of consolidation strategy in institutional discourse: modeling the concept COOPERATION. *Scientific Dialogue*, 14(6), 31–52. DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-6-31-52.

5. Dzyuba, E. V., Wang, H. (2025). Vzaimodeystvie Rossii i Kitaya v ShOS: obespechenie bezopasnosti v tsentral'no-aziatskom regione = Interaction between Russia and China in the SCO: security in Central Asia. *Russia in the Global World*, 28(3), 79–98. DOI 10.48612/RG/RGW.28.3.5.

6. Ziyadullaev, S. N., Ziyadullaev, N. S. (2017). Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz: ispytanie vremenem = Eurasian Economic Union: test of time. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*, 3, 70–83.

7. Kiknadze, V. G. (2012). Voennoe iskusstvo i razvedka v bol'shoi strategii Vizantiyskoy imperii = Military art and intelligence in the grand strategy of the Byzantine Empire. *Military History Journal*, 9, 30–34. EDN PDKZNX.

8. Krysin, L. P. (2012). Slova-chuzhestrantsy v russkom oblich'e = Foreign words in Russian guise. *Russian Speech*, 4, 52–57.

9. Ogarkov, N. V. (1982). *Vsegda v gotovnosti k zashchite Otechestva* = Always on guard of the Motherland. Moscow: Voenizdat.

10. Slutsky, L. E., Krotov, M. I., Muntiyani, V. I. (2025). Rossiya i evraziyskaya integratsiya v mnogopolyarnom mire = Russia and Eurasian integration in a multipolar world. Moscow: Moscow University Publishing House.

11. Svechin, A. A. (1927). *Strategiya* = Strategy. Moscow: Voennyi vestnik.

12. Brands, H. (2014). *What Good Is Grand Strategy? Power and Purpose in American Statecraft from Harry S. Truman to George W. Bush*. Ithaca: Cornell Univ. Pr.

13. Gaddis, J. L. (2018). *On Grand Strategy*. New Haven: Yale University Press.

14. Gray, C. S. (2010). *The Strategy Bridge: Theory for Practice*. Oxford: Oxford University Press.

15. Kennedy, P. (1987). *The Rise and Fall of the Great Powers*. New York: Random House.

16. Liddell Hart, B. H. (1967). *Strategy*. London: Faber & Faber.

17. Luttwak, E. N. (2001). *Strategy: The Logic of War and Peace*. Cambridge, MA: Belknap Press.

18. Posen, B. R. (1984). *The Sources of Military Doctrine*. Ithaca: Cornell University Press.